

ЦИВІЛЬНЕ ПРАВО І ПРОЦЕС; СІМЕЙНЕ ПРАВО

УДК 347.51

DOI: <https://doi.org/10.18524/2411-2054.2020.40.217594>

А. А. Богустов, канд. юрид. наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Кафедра международного права
пер. Доватора, 3/1, 230012, Гродно, Беларусь
e-mail: bogustov_aa@grsu.by

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СУБЪЕКТОМ ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В статье исследуется возможность признания искусственного интеллекта субъектом деликтных обязательств. Статья показывает, что такое признание не является целесообразным, поскольку оно способно породить комплекс проблем теоретического и практического характера, главной из которых является возможное нарушение прав и законных интересов потерпевших.

Ключевые слова: искусственный интеллект, деликт, обязательство, возмещение вреда.

Постановка проблемы. В современных условиях деятельность искусственного интеллекта (далее – ИИ) все чаще приводит к возникновению неблагоприятных последствий, затрагивающих права и законные интересы участников гражданско-правовых отношений. Практика свидетельствует о том, что использование ИИ может причинить вред как имуществу, так и жизни и здоровью. Например, известны случаи гибели людей в результате дорожно-транспортных происшествий с участием беспилотных автомобилей [1; 2]. С большой долей вероятности можно предположить, что с расширением сферы использования ИИ подобные ситуации будут возникать все чаще. Складывающееся положение требует оценки с точки зрения права. Например, в п. «Z» введения к Резолюции Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» (далее – Резолюция) [3] признается, что «одним из важнейших вопросов становится вопрос о правовой ответственности за вред, причиненный действием робота».

Проблема определения механизма возмещения вреда, причиненного деятельностью ИИ, выступает частным проявлением вопроса о возможности и целесообразности признания ИИ субъектом права. Справедливым представляется замечание о том, что уже сейчас «робототехника и кибернетика ставят вопросы, ответы на которые не так очевидны: – может ли робот (искусственный интеллект) выступать в качестве личности, или он должен оставаться в статусе вещи (как, например, домашние животные); – кто должен нести ответственность за противоправные действия, совершенные роботом (искусственным интеллектом); – кому принадлежат права на вещи или произведения, созданные роботом (искусственным интеллектом)?» [4, с. 462]. Все сказанное выше подчеркивает актуальность проведения анализа отношений возникающих в связи с причинением вреда деятельностью ИИ.

Анализ последних исследований и публикаций. В последние годы был опубликован ряд научных работ посвященных исследованию возможности признания ИИ субъектом как гражданско-правовой, так и уголовно-правовой ответственности. В качестве примера можно упомянуть статьи И. Н. Мосечкина [4], М. А. Мельничук и Д. В. Ченцовой [5], Е. Ю. Цукановой и О. Р. Скопенко [6], Е. Н. Ирискиной и К. О. Белякова [7],

З. И. Хисамовой и И. Р. Бегишева [8], Е. А. Свиридовой [9] и ряда других авторов. Необходимо признать, что указанные труды имеют несомненное теоретическое значение хотя бы в силу новизны предмета исследования. Но большинство из проведенных в данной области изысканий акцентируют внимание на характеристике ИИ как возможного субъекта юридической (в том числе деликтной) ответственности без учета одной из главнейших ее функций – правосстановительной (компенсационной), состоящей «в восстановлении нарушенных прав и свобод, в возмещении причиненного противоправным поведением имущественного и морального ущерба» [10, с. 399]. То есть, представляется необходимым провести анализ возможности и целесообразности признания ИИ субъектом юридической ответственности с точки зрения обеспечения максимально полного восстановления нарушенных прав потерпевшего.

Целью статьи является анализ возможности признания ИИ субъектом деликтных обязательств с учетом необходимости восстановления нарушенных прав потерпевших лиц в наиболее полном объеме.

Изложение основного материала. Одной из наиболее распространенных в современной доктрине точек зрения на механизм гражданско-правовой ответственности за вред причиненный ИИ является мнение о том, что его следует хотя бы в перспективе, наделить статусом юридического лица. Например, говорится о том, что юридические лица – «это искусственные умозрительные конструкции. Если обратиться к теории фикции, юридическое лицо как субъект гражданских отношений, представляет собой, по сути, имущество, которому предоставляется правосубъектность» [5, с. 66]. Указывается, что ИИ выступает как цифровое лицо, представляющее собой «юридическую фикцию, схожую с фикцией юридического лица, в которой искусственный интеллект является постоянно действующим органом» [11, с. 77]. Определенное сходство с упомянутыми выше подходами имеет определение ИИ как квазисубъекта права. Сущность данной концепции состоит в том, что «робота можно определить как «движимое имущество», наделенное ограниченной правосубъектностью. В перспективе по мере развития робототехники он может пониматься как некий субъект, который имеет возможность принимать решения, осознавать их последствия без участия человека» [6, с. 45].

Подобные доктрины начинают рассматриваться как возможный теоретический базис для дальнейшего развития законодательства. Например, из Резолюции следует, что Комиссии ЕС необходимо учесть и проанализировать правовые последствия наделения в перспективе роботов особым правовым статусом. Таким образом, «по меньшей мере наиболее продвинутые автономные роботы могут создаваться как электронные лица и нести ответственность за причиненный ими ущерб в тех случаях, когда они принимают решения автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами» (подп. «f» п.59 Резолюции).

На первый взгляд указанные точки зрения выглядят достаточно логично. Но более детальный анализ приводит к выводу, что принятие данных концепций в качестве основы для развития законодательства способно породить ряд серьезных вопросов теоретического и практического характера. Прежде всего, следует отметить, что теория фикции является далеко не единственной доктриной объясняющей правовую природу юридического лица. Не вдаваясь в детальную характеристику теорий юридического лица, поскольку данный вопрос не входит в предмет настоящего исследования, необходимо упомянуть, что помимо теории фикции большое распространение в настоящее время имеет теория реальности юридического лица, более отвечающая практическим потребностям современного гражданского оборота. Например, именно она позволяет обосновать общую правоспособность юридических лиц и нормативно-явочный порядок их создания. То есть использование теории фикции в обосновании правосубъектности ИИ входит в противоречие с общими тенденциями развития доктрины юридических лиц.

Но даже если не рассматривать дискуссионные вопросы правовой природы юридических лиц применительно к определению статуса ИИ, то следует признать, что практиче-

ское использование анализируемой нами концепции порождает ряд сложноразрешимых проблем. Юридическое лицо имеет ряд обязательных признаков, наличие которых признается не только доктриной, но и действующим законодательством (например, ст. 44 ГК Беларуси, ст.ст. 80, 90-92, 96 ГК Украины). То есть, признание ИИ юридическим лицом должно повлечь наделение его имуществом, создание органов управления, через деятельность которых будет реализовываться его правосубъектность, предоставление возможности выступать истцом и ответчиком в суде и т.д. На практике это приведет к тому, что компания, использующая в своей деятельности несколько беспилотных автомобилей или дронов, должна будет организационно обеспечить их функционирование как юридических лиц, что может сделать их эксплуатацию не выгодной с экономической точки зрения. Признание ИИ юридическим лицом способно повлечь и возникновение ряда проблем технико-юридического характера. Например, в литературе справедливо отмечается, что «в отличие от нематериального юридического лица, роботы как раз материальны, поэтому просто программы не могут быть к ним отнесены» [6, с. 45]. Развивая данную мысль, можно предположить, что признание ИИ юридическим лицом должно повлечь и признание нового способа прекращения деятельности юридических лиц путем их фактического уничтожения, что с точки зрения гражданского права выглядит абсолютно не приемлемым.

На наш взгляд, попытка обойти данные вопросы привела к трактовке ИИ как квазисубъекта права. Но в этом случае возникает необходимость понимания того, что скрывается за данным термином, который нуждается не только в более точном определении, но и вообще в обосновании необходимости его использования. Как было установлено ранее, квазисубъект права предлагается рассматривать как имущество, наделенное ограниченной правосубъектностью, т.е. способное иметь отдельные субъективные гражданские права. Из признания того, что ограниченная правосубъектность ИИ должна предоставить ему возможность выступать субъектом деликтного обязательства следует вывод, что ИИ должен как минимум иметь возможность приобретать имущество, владеть им на праве собственности и выступать истцом и ответчиком в суде. В этой связи возникает вопрос о том, как квазисубъект может практически реализовать эти правомочия без организационного обеспечения его деятельности. А создание подобных механизмов приводит к тем же проблемам, которые порождаются в результате признания за ИИ статуса юридического лица.

Но самым главным аргументом против признания ИИ субъектом (квазисубъектом) права, на наш взгляд, является возможное нарушение прав и законных интересов потерпевших в деликтных обязательствах. Следование данным доктринам должно привести к признанию того, что ИИ должен отвечать за причиненный вред только принадлежащим ему имуществом. Однако трудно предположить, что объем этого имущества будет соотносим с размером уставного фонда юридического лица. В противном случае эксплуатация подобных объектов станет с экономической точки зрения просто невозможной. То есть, потерпевший столкнется с тем, что ему причиненный вред не может быть возмещен за счет имущества принадлежащего ИИ не только в полном, но и вообще в сколь-нибудь существенном объеме. Можно сделать вывод, что правовые конструкции «ИИ – юридическое лицо» либо «ИИ – квазисубъект права» действуют лишь в интересах лиц разрабатывающих либо использующих в своей деятельности ИИ, поскольку подобные подходы позволяют им снять с себя возможные неблагоприятные последствия имущественного характера. Это входит в противоречие с закрепленным в п. 52 Резолюции требованием, состоящим в том, что разрабатываемые правовые акты в сфере ответственности ИИ «ни в коем случае не должны: во-первых, ограничивать виды и объем ущерба, который может быть компенсирован (по крайней мере, если речь не идет о причинении вреда только имуществу); во-вторых, ограничивать формы компенсации, которая может быть получена пострадавшей стороной, только на том основании, что вред не был причинен человеком».

Устранить возникающие негативные последствия может развитие системы обязательного страхования ответственности за вред причиненный деятельностью ИИ. В частности, на необходимость введения подобных механизмов указывают п. 57-59 Резолюции. Более того, введение обязательного страхования в данной сфере соответствует основным тенденциям развития деликтных обязательств. Например, Р. Саватье писал, что: «В современных условиях гражданская ответственность настолько расширилась и стала настолько серьезной, что составляет опасный риск, который в каждом отдельном случае не может быть предварительно оценен. Этот риск страхователя принимает на себя страховщик за оплачиваемые ему страховые взносы... Такая практика необходима для того, чтобы потерпевшие, как бы велика ни была сумма, причитающаяся им в порядке возмещения, во всех случаях нашли платежеспособное ответственное лицо» [12, с. 326].

Однако, выполняя компенсаторную функцию, система обязательного страхования ответственности за вред, причиненный деятельностью ИИ, может иметь определенные негативные последствия для общества в целом. Это связано с тем, что «прежнее обоснование гражданской ответственности исчезает. Последняя теряет свой дисциплинирующий и морализирующий характер в отношении виновного. Она рискует быть включенной в счетный механизм, коллективный и автоматически действующий... Таким образом, основная цель гражданской ответственности не состоит более в том, чтобы наказать виновного. Она заключается в том, чтобы обеспечить потерпевшего от обычных рисков» [12, с. 326-327]. В таком случае у лиц разрабатывающих либо эксплуатирующих ИИ будет отсутствовать один из значимых стимулов осуществления заботы о безопасности подобных объектов, что в конечном итоге может привести к увеличению случаев причинения вреда. При этом в литературе высказывается справедливое мнение о том, что обязательное страхование способно выполнять и превентивную функцию, связанную «с возрождением имущественной виновной ответственности, но уже на этапе рассмотрения регрессных требований страховщика к страхователю» [13, с. 284]. То есть, применение системы обязательного страхования ответственности за причинение вреда, вызванного деятельностью ИИ, не устраняет проблемы установления действительного субъекта такой ответственности.

На наш взгляд, решая данный вопрос необходимо исходить из того, что участие ИИ в деликте по сути не изменяет характера возникающих отношений. Например, совершение ДТП автомобилем управляемым водителем либо системой ИИ будут порождать для потерпевшего абсолютно одинаковые неблагоприятные последствия. Только в первом случае деликт будет вызван невозможностью водителя полностью контролировать управляемый им автомобиль, а во втором – невозможностью лица использующего ИИ полностью контролировать управление им автомобилем. Следовательно, с точки зрения гражданского права каких-либо новых, не известных ранее отношений не возникает.

В этой связи представляется возможным применять к ответственности за вред, причиненный деятельностью ИИ подходы уже используемые при регулировании деликтных обязательств. Например, М. И. Кулагин указывал на расширение случаев безвиновной ответственности, вызванной «с использованием на производстве, в быту новых машин, товаров, технологических процессов, которые не целиком подконтрольны человеку и поэтому могут причинить ущерб и при отсутствии вины в поведении их владельца» [13, с. 281]. На наш взгляд, данное положение в полном объеме может быть применено и к ИИ, представляющему собой «программу для ЭВМ или систему таких программ (информационную систему), предназначенную для имитирования интеллектуальной деятельности человека» [14, с. 90]. Такая имитация не способна сделать ИИ самостоятельным субъектом права, но может привести к тому, что обладатель подобного объекта не всегда будет способен полностью контролировать его деятельность. В этой ситуации логично предположить, что действительным субъектом ответственности за вред, причиненный действиями ИИ, выступает лицо, осуществляющее его эксплуатацию и извлекающего из этого пользу.

Это соответствует еще одной тенденции развития деликтных обязательств – канализированию ответственности, состоящему в том, что «ответственность за вред возлагается исключительно на лицо, указанное в нормативном акте, независимо от того, причинен вред им самим или же другим лицом» [13, с. 287]. Возложение ответственности за вред, причиненный деятельностью ИИ на лицо, эксплуатирующее его и извлекающего из подобной деятельности пользу, способно устранить возможную неопределенность в положении потерпевшего в деликтном обязательстве.

Выводы и предложения. 1. Построение законодательства на основе доктрины «ИИ – юридическое лицо» либо «ИИ – квазисубъект права» помимо проблем теоретического и организационного характера способно привести к нарушению прав и законных интересов потерпевшего в деликтных обязательствах и, следовательно, является не приемлемым.

2. Субъектом ответственности за вред, причиненный действиями ИИ, следует признать лицо, осуществляющее эксплуатацию данного объекта и извлекающего из этого пользу. Подобный подход соответствует современным тенденциям развития деликтных обязательств, состоящим в расширении безвиновной ответственности и ее канализировании.

Список использованной литературы

1. Березин А. Искусственный интеллект начал убивать на дорогах. Что произошло, кто виноват и стоит ли теперь бояться ИИ на колесах. URL: <https://tass.ru/tech/6820436>.
2. Распопова А. Под колесами беспилотного автомобиля Uber погибла велосипедистка. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2018/03/20_a_11689327.shtml.
3. Нормы гражданского права о робототехнике: Резолюция Европейского Парламента от 16 февраля 2017 г. 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies.
4. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 461-476.
5. Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта. Закон и право. 2020. № 6. С. 66-68.
6. Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом. Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 42-48.
7. Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений. Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63-72.
8. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты. Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564-574.
9. Свиридова Е.А. Проблема ответственности искусственного интеллекта через призму концепции гражданско-правовой ответственности Франции. Образование и право. 2020. № 4. С. 516-523.
10. Теория государства и права / Под общ. ред. О.В. Мартышина. М.: Норма, 2007. 496 с.
11. Щербаков М.Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 73-81.
12. Саватье Р. Теория обязательств: Юридический и экономический очерк. М.: Прогресс, 1972. 440 с.
13. Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. Избранные труды. М.: Статут, 1997. С. 183-291.
14. Холодная Е.В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 89-96.

References

1. Berezin A. (2018) Artificial intelligence began to kill on the roads. What happened, who is to blame and is it worth now to be afraid of AI on wheels URL: <https://tass.ru/tech/6820436> [in Russian].
2. Raspopova A. A. (2018) Cyclist died under the wheels of an unmanned Uber car URL: https://www.gazeta.ru/auto/2018/03/20_a_11689327.shtml [in Russian].
3. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies [in Russian].

4. Mosechkin I. N. (2019) Artificial intelligence and criminal liability: problems of becoming a new type of crime subject. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [in Russian].
5. Melnichuk M.A., Chentsova D.V. (2020) Civil liability of artificial intelligence. Zakon i pravo. [in Russian].
6. Tsukanova E. Yu., Skopenko O.R. (2018) Legal aspects of liability for causing damage by a robot with artificial intelligence. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. [in Russian].
7. Iriskina E.N., Belyakov K.O. (2016) Legal aspect of civil liability for damages in tort as a result of quasi party robot performance. Gumanitarnaya informatika. [in Russian].
8. Khisamova Z.I., Begishev I.R. (2019) Criminal liability and artificial intelligence: theoretical and applied aspects. Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. [in Russian].
9. Sviridova E. A. (2020) The problem of the responsibility of artificial intelligence through the concept Of french civil liability. Obrazovaniye i pravo [in Russian].
10. Martyshin O.V. (Ed.). (2007) Theory of State and Law. Moscow: Norma [in Russian].
11. Sherbakov M.G. (2019) Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: problem statement. Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo [in Russian].
12. Sauatiei René. (1972) Theory of obligations: Legal and economic essay. Moscow: Progress [in Russian].
13. Kulagin M.I. (1997) Selected Works. Moscow: Statut [in Russian].
14. Kholodnaya E. V. (2019) About perspective directions of legal regulation in the sphere of artificial intelligence technology. Vestnik Universitete imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA) [in Russian].

Стаття надійшла 21.10.2020 р.

А. О. Богустов, канд. юрид. наук, доцент
Гродненський державний університет ім. Янки Купали
Кафедра міжнародного права
пров. Доватора, 3/1, Гродно, 230012, Білорусь
e-mail: bogustov_aa@grsu.by

ДО ПИТАННЯ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ВИЗНАННЯ ШТУЧНОГО ІНТЕЛЕКТУ СУБ'ЄКТОМ ДЕЛІКТНИХ ЗОБОВ'ЯЗАНЬ

Резюме

У статті досліджується можливість визнання штучного інтелекту суб'єктом деліктних зобов'язань. Стаття показує, що таке визнання не є доцільним, оскільки воно здатне породити комплекс проблем теоретичного та практичного характеру, головною з яких є можливе порушення прав і законних інтересів потерпілих.

Ключові слова: штучний інтелект, делікт, зобов'язання, відшкодування шкоди.

A. A. Bogustov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Yanka Kupala State University of Grodno
the Department of International Law
Dovatora lane, 3/1, Grodno, 230012, Belarus
e-mail: bogustov_aa@grsu.by

ON THE POSSIBILITY OF RECOGNIZING ARTIFICIAL INTELLIGENCE BY A SUBJECT OF TORT OBLIGATIONS

Summary

The present article investigates the problem of the possibility of recognizing artificial intelligence as a subject of tort obligations.

The object of the research is the regulated social relations arising as a result of the harm caused by artificial intelligence to the life, health or property of other persons.

The subject of the research is the norms of civil legislation governing relations arising from harm.

The purpose of the article is to analyze the possibility of recognizing artificial intelligence as a subject of tort obligations.

